

Маленький — два стула и постель —
Без петель — распахивайте шире! —
Просто дом, стоящий на отшибе
Вечно в ожидании гостей.

Прялки стук, да бляеные ягнят,
Да порой задумчивое пенье...
Только две склонившиеся тени —
Женские фигуры у огня.

И однажды — лето иль зима? —
Он вошел. Спросил: «Переночую?»
Видно, у богов свои причуды:
Бог не любит людные дома.

В тот же миг две пары женских глаз
Стали как распахнутые ставни.
Но одна прикованной осталась,
А другая с места сорвалась:

Принести воды, раздуть огонь —
Словно для Него лампады мало! —
Да схватить в укладке покрывало
И накинуть на косы другой.

А другая... Ярче, чем фитиль
В доверху наполненной лампаде,
Лишь один багрец нащечных впадин
Бледное строенье осветил.

А другая... Если глянуть так
Могут очи — губы, онемейте!
Только передвинула скамейку,
Тишиной и светом залита:

Изо всех, сияющих красой,
Из других, взирающих глубоко,
Есть одни... которым только Богу
И глядеть в усталое лицо.

Словно озарило: столько дней,
Веря и не веря, почему-то
Прождала вот этой вот минуты.
Этой вот. Единственной. Своей.

Для того и пела по утрам,
Для того и грезила, роняя
Все из рук — покуда, словно няня,
За тобой — ворчливая сестра...

Это — чтобы ты сейчас, вот так,
Села здесь — и очи говорили...
А для Марфы песнь — звалась Марией,
А для Марфы жизнь — звалась Марией,
А для Марфы — все звалось Марией:
Зренье. Слух. Молитва. Красота —

Где уж нам, с руками как наждак,
Между стиркой в воду поглядеться!
Не Марии, избранные с детства, —
Марфы, не умеющие ждать,

Увядают прежде. В мелочах
Потонув, на мелочи растратясь —
Не на побрякушки, не на страсти, —
Просто по поленьшку в очаг

Скормлено — и убрана зола,
Башмачок на кухоньке истоптан...
Все ушло на штопку, на растопку —
Одного растопка не взяла,

Не смогла — у бездны без краев
Марфины мозоли отмолили! —
Кос Марии, поступи Марии,
Глаз ее и голоса ее!

Поутру на праздник выходя
Гордо позади своей родимой,
Словно душу за руку водила
По благоговейным площадям!

Так ты красоту свою блюла,
Марфа, Марфа, горькая осина!
Но сейчас ты губы закусил —
Так закусывают удила.

Две минуты — или сотня лет
Пронеслись над неподвижной парой?
У тебя меж тем душистым паром
Теплый хлеб исходит на столе.

Свежий сыр, парное молоко,
Срезанные гроздья винограда...
Марфа, Марфа, или ты не рада
Ласковому гостю? Но о ком

Ты б не позаботилась в пути,
Точно так же не омыла ноги?
Марфа, ты не сделалась иною,
Самого иного приютив;

Отчего ж теперь, когда Он Сам
В дом к тебе пришел, как первый встречный,
Он творит диковинные речи —
А тебе не слышно ни словца?

У Марии светятся глаза —
А твои от кухонного жара
Заслезились! Ты не удержалась,
Марфа, Марфа, только и сказав:

«Господи! Тебе и дела нет,
Что одна служу тебе по дому.
Хоть на две минутки, ненадолго,
Отошли сестру мою ко мне!»

Вхолостую грянул этот залп,
Марфа, не исчислившая меры!
По тому, как Он недоуменно
Ледяные чистые глаза

Поднял, — ты узнала в тот же час,
Что твоих даров не принимают.
Лучше б родилась глухонемая,
Чем услышать то, что отвечал

Тихий голос, словно долетя
С высоты сиянья ледяного:
«Марфа! Ты заботишься о многом,
А одно лишь надобно, дитя».

На тебя почти не поглядев,
На нее — еще неповторимей! —
Глянул: «А сестра твоя Мария
Избрала себе благой удел».

Вот и все. Но от коротких фраз
Этих двух — мороз прошел по жилам.

Марфа, Марфа! Ты не заслужила.
Но всего страшнее — что сестра,

Горлинка твоя, твой лепесток,
Губ не разомкнула — заступиться.
У евангелиста не записан
Возглас, что почти уже исторг

У тебя, из губ твоих и глаз,
Этот миг, без звука прозвучавший,
Марфа! Переполненная чаша,
Что уже словами пролилась:

«Не на что и некому пенять,
Хлеб и скатерть горечью политы.
Стала как полынь моя молитва,
Боже мой, отвергнувший меня!

Для чего пренебрегла зерном
Ячменя — любовь твоя слепая?
Разве боги, по земле ступая,
В хлебе не нуждаются земном,

Не сбивают ног, не пьют воды,
И блажен, кто этого не делал?
Для чего топчу Твои пределы,
Если Ты отверг мои труды?

Душу с хлебом выставив на стол,
Как я послужу Тебе иначе?»
Вот упрек, которого не начал
Твой язык. Ни бровью, ни перстом

Не пошевелинула, промолчав,
Только не из робости — куда там!
Мужем будь — брала бы города ты,
Камни разбивала бы сплеча,

Если надо — ты бы и теперь
Всех небесных войск не убоялась,
Но к чему беспомощная ярость?
Чем поможет жалобная песнь,

Чем поможет — вместе с ярлыком,
Что язык твой зол и неуемен...
Так и замерла в дверном проеме —
Губы пересохли, в горле ком,

С полными руками (стопка льна,
Кисти шерстяного одеяла),
Лишь на миг терпенье потеряла —
Так нога теряет стремена —

Лишь на миг — и сызнава света
Было разошедшиеся брови.
Марфа! Если не было суровой
Твоего упрямого чела —

Это оттого, что ты сама
Судия себе еще строжайший,
Чем Другой. Рукою недрожащей
Приговор — надежнее клейма —

Вынесен. Не горшая из бед —
Что несправедливо укорили!
Твой неправый гнев — зовут Марией,
Твой благой удел — зовут Марией,
Свет твоих очей — зовут Марией,
А она забыла о тебе!

А она забыла, а она —
Яркая, нездешняя, чужая, —
Щеки, раскаленные от жара,
Над краями вышитого льна

Обхватив руками, подалась —
Как свеча, колеблемая ветром!
Как на свет протянутые ветви!
Как детеныш в ожиданье ласк

Матери — к Нему, вперед и вверх.
И, взглянув, как ласково и низко
С высоты Пришелец наклонился
К поднятой навстречу голове,

Поняла — внезапно, словно дождь, —
Что всего лишь день пробудет с нею!
Что теперь, затеяв объясненья,
У нее мгновения крадешь,

Что для *этой* встречи так чисты
Сестрины распахнутые веки;
Что никто — отныне и вовеки —
Не увидит этой красоты;

Что земные грешные цари
Недостойны дня ее и часа,
Что сейчас, в огне такого счастья,
Вся она до капельки сгорит...

...Дерзкая Иаковлева дочь,
Мать его, и кость его, и волос,
Марфа! С Богом — ты бы поборолась!
С собственной нежностью — вотще.

Что уж там: вина с Него снята,
Если Он тобой пренебрегает —
Что поделать, Марфа! Ты другая.
И богам бесценна красота

Смертная, и что с Него спросить,
Если отослать ее не может,
Раз тебе самой она дороже
Собственного счастья в небеси!

У тебя ж — что кожа, что гортань:
Слух дерут и зренья не ласкают.
У тебя же — тяжкие, как скалы,
Складки плотно сомкнутого рта,

Сроду не боявшегося — речь?
Нет — рычать, как раненная львица!
Марфа! Не угроза ли нависла
Над молчаньем в этой конуре?

Тот, Кому полотнище для ног
Принесла, чтоб не болели раны,
Терпеливо ждет твоей тирады.
Ждет с улыбкой. Кротко. Ледяно.

Что еще сорвется с этих губ,
Марфа, Марфа, отпрыск непутевый?..
...Лишь взглянула. Пот с лица утерла
И ушла на кухню к очагу.